

С. М. Телегина

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ВОСПРИЯТИИ АРХИМАНДРИТА КОНСТАНТИНА (ЗАЙЦЕВА)

Архимандрит Константин (Зайцев) (1887–1975) — выдающийся богослов, мыслитель и правовед русского зарубежья. Пострижен в монашество в 1949 году в Свято-Троицком мужском монастыре (Джорданвилль, США). Редактировал журнал «Православная Русь», читал курсы пастырского богословия и истории русской словесности в Свято-Троицкой духовной семинарии. В наследии архимандрита Константина значительное место занимают работы по истории русской культуры, он был приверженцем философского литературоведения, полагая, что место писателя в духовном мире и сущность его произведений могут быть глубинно поняты только в религиозно-нравственном аспекте. В статье проанализированы особенности его концепции Лермонтова как русского национального поэта и сверхлитературного явления, отмечены специфические черты критического метода архимандрита Константина, внутренняя связь его статей с культурно-философской традицией Серебряного века, отличие его концепции лермонтовского «демонизма» от оценок ранних славянофилов.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская религиозная философия, философия культуры, архим. Константин (Зайцев), М. Ю. Лермонтов, религиозность М. Ю. Лермонтова, В. С. Соловьев, Серебряный век, С. Н. Дурылин, П. И. Чайковский, проф. И. М. Андреев, С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, славянофилы, «демонизм».

В наследии выдающегося богослова, мыслителя и правоведа русского зарубежья архим. Константина (Зайцева)¹ (1887–1975) значительное место занимают работы по истории русской культуры, поскольку живой интерес к классической русской литературе и к русской музыке был характерной чертой его многогранной личности. Родился Кирилл Иосифович Зайцев в Санкт-Петербурге, в интеллигентной, «строго-консервативной» семье. Получив экономическое образование в Санкт-Петербургском политехническом институте и юридическое — в Гейдельбергском и Санкт-Петербургском университетах, поступил на службу в Первый департамент Правительственного Сената, которую он всегда оценивал

Светлана Михайловна Телегина — библиограф, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова (svetlanatelegina@yandex.ru).

¹ В миру Кирилл Иосифович Зайцев.

как бесценный опыт работы «в высококвалифицированном аппарате надзора за законностью управления Империи, <...> проникнутом сознанием высоких задач власти»². Из своей практической деятельности К. И. Зайцев вынес глубокое убеждение, что «наше отечество, в рамках Самодержавия, было правовым государством высшего ранга»³.

Падение Русского Царства, когда по всем направлениям общественной, государственной и культурной жизни Россия переживала небывалый подъем, было воспринято Кириллом Иосифовичем как «катастрофа, внезапная и оглушительная»: «И кончилась на этом Россия. Покинула ее благодать Божия: за легкомысленно-суетливым... „февралем“ пришел, как Немезида, зловеще-кровавый... „октябрь“ — и задавил Россию»⁴. По пути на восток к Колчаку Промыслом Божиим К. И. Зайцев оказался на юге России и «вошел в „Белое движение“, в котором и пребывал до Врангелевской эвакуации»⁵ в 1920 году.

Дальнейшая его жизнь наполнена напряженной работой: в Праге он читал курс административного права на Русском юридическом факультете, в Париже по приглашению П. Б. Струве редактировал газеты «Возрождение» и «Россия и славянство». В 1930-х годах был ректором Харбинского педагогического института и в звании профессора преподавал политическую экономию на юридическом факультете Харбинского университета. Именно в Харбине Кирилл Иосифович «впервые приблизился к Церкви как должно: возвратился в нее, как со стороны далеке возвращаются в Отчий Дом»⁶.

В 1944 году в Шанхае, во время правления там выдающегося иерарха — епископа Иоанна (Максимовича), будущего святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, чудотворца⁷ — Кирилл Иосифович Зайцев был рукоположен владыкой Иоанном во диакона, а 28 августа 1945 года — в сан иерея. После отъезда из Китая, с 1949 года, вся его жизнь связана с Лаврой Русского зарубежья — Свято-Троицким мужским

² Константин (Зайцев), архим. Великая реформа освобождения крестьян 1861–1961 // Он же. Чудо русской истории. М.: НТЦ Форум, 2000. С. 297.

³ Там же. С. 298.

⁴ Константин (Зайцев), архим. Памяти последнего Царя // Он же. Чудо русской истории... С. 438–440.

⁵ Константин (Зайцев), архим. Октябрь! // Он же. Чудо русской истории... С. 546.

⁶ Константин (Зайцев), архим. Великая реформа освобождения крестьян 1861–1961... С. 304.

⁷ Причислен Архиерейским Собором РПЦ к лику святых 2 июля 1994 года, общецерковно прославлен Архиерейским Собором РПЦ 24 июня 2008 года.

монастырем (Джорданвилль, США), где в конце 1949 года он был пострижен в монашество с именем Константин, в честь Константина Философа, учителя Словенского, а в 1954 году возведен в сан архимандрита. Весь оставшийся земной путь о. Константина, посвященный научной, преподавательской и издательской деятельности на благо Церкви и России, являет собой «подвиг русскости в Зарубежье и пример твердого стояния на страже Православной Церкви»⁸. В Свято-Троицкой духовной семинарии архим. Константин читал курсы пастырского богословия и истории русской словесности. В течение двадцати пяти лет редактировал журнал «Православная Русь» с приложениями: ежемесячным — «Православная жизнь», и ежегодным — «Православный путь».

Человек выдающегося интеллекта и блестящего образования, ученый-монах, любивший уединение, о. Константин, по воспоминаниям его соратников на издательской ниве, «был глубочайшим и тонким мыслителем. <...> Его писания не были отрывочными или разбросанными, а, напротив, были целостные, целеустремленные и оригинальные»⁹. Он видел и пережил «закатную красоту императорской России» и вынес горькое убеждение, что с низвержением династии великая Россия перестала существовать: «Память о подлинной России осталась только в ее исконной великолепной культуре, которая продолжает быть *великой* и, в конечном счете, положительной силой, все глубже проникающей в сознание мира»¹⁰.

Следует сказать, что в эмиграции русская классическая литература олицетворяла для русских людей утраченное Отечество: «...русская литература для нас, потерявших родину, — родина последняя, всё, чем Россия была и чем она будет»¹¹, — писал Д. С. Мережковский. Главным символом России, «духовным вождем» для русского зарубежья стал Пушкин, на восприятие которого старшим поколением эмигрантов оказала определяющее влияние яркая, но спорная «Пушкинская

⁸ Бобров Н. Его Высокопреподобие о. Архимандрит Константин // Краткий исторический очерк строительства Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль: типография преподобного Иова Почаевского, 1969. Электронный вариант: Сайт «Русский инок» (Джорданвилль). URL: <http://russian-inok.org/books/istoriya.html> (дата обращения: 16.10.2016).

⁹ Фомин С. В. Джорданвилльский отшельник // *Константин (Зайцев), архим.* Чудо русской истории... С. 27.

¹⁰ *Константин (Зайцев), архим.* Памяти последнего Царя... С. 438.

¹¹ Мережковский Д. С. Федор Михайлович Достоевский // Руль. Берлин, 1921. № 300. 11 ноября. С. 4.

речь» Ф. М. Достоевского (1880)¹². Вместе с тем и М. Ю. Лермонтов, «гонимый миром странник с русской душой», находил отклик в культурной эмигрантской среде, где старшее поколение часто вспоминало его «Предсказание». Соратник К. И. Зайцева П. Б. Струве обращал внимание, что «стихотворение Лермонтова „Предсказание“ именно *теперь* производит огромное впечатление, как историческое прозрение, потрясающее своей правдой, <его> должен знать всякий русский человек»¹³. Религиозная составляющая лермонтовской поэзии привлекала внимание духовных пастырей, включавших стихи поэта в проповеди и выступления. Митрополит Анастасий (Грибановский) писал в своих «Беседах...»: «Если бы Лермонтов не написал ничего другого, кроме своего глубокого философского стихотворения „Ангел“, то и тогда бы он был бы достоин бессмертия. Здесь изображена вечная тоска о „Потерянном Рае“, никогда не покидающая сердце человека. <...> Есть один только путь к возвращению этого утраченного сокровища, указанный тем же великим поэтом:

Не воскресив душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай»¹⁴.

Для молодых поэтов русского Парижа Лермонтов стал олицетворением творческого поиска и трагической национальной судьбы. В восприятии одного из самых одаренных его представителей, «монпарнасского царевича» Бориса Поплавского, «Лермонтов — первый русский христианский писатель. <...> Он огромен и омыт слезами»¹⁵. В полемике Вл. Ходасевича с Г. Адамовичем в эмигрантской печати о первородстве Пушкина — Лермонтова в русской словесности младшее поколение отдавало предпочтение метафизической глубине Лермонтова перед «пленительной сладостью» Пушкина: «Пушкин дитя Екатерининской эпохи, максимального совершенства он достиг в ироническом жанре (Евгений Онегин). Для русской же души всё серьезно, комического нет, нет неважного. <...> Пушкин гораздо проще России. А вот Лермонтов, это другое дело:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

¹² Леонтьев К. Н. О всемирной любви // *Он же*. Храм и церковь. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 411. (Philosophy).

¹³ Струве П. Б. Из «Заметок писателя» // *Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов*. М.: Русский мир, 1999. С. 18–19.

¹⁴ Анастасий (Грибановский), митр. Беседы с собственным сердцем. (Размышления и заметки). СПб.: Библиополис, 2002. 320 с.

¹⁵ Поплавский Б. По поводу... // *Числа*. Париж, 1931. № 4. С. 171.

А рядом <у Пушкина> Граф Нулин и любовь к Парни! Лермонтов, Лермонтов, помяни нас в доме Отца твоего!..»¹⁶

К. И. Зайцев, как представитель старшего поколения, поддерживал позицию В. Ф. Ходасевича и считал, что центральное значение Пушкина бесспорно и не имеет смысла противопоставлять его Лермонтову¹⁷, который, в его представлении, тоже истинный русский национальный гений: «Русская литература по давнему образному сравнению Спасовича, возглавляется, подобно Кавказской цепи гор, двуглавым Эльбрусом Пушкина и Лермонтова»¹⁸. В то же время Зайцев подчеркивал, что не всякого даже великого русского писателя или композитора можно назвать национальным. Среди композиторов истинно национальными он видел М. И. Глинку и П. И. Чайковского, а среди русских писателей — Пушкина и Лермонтова. Однако отношение его к творчеству и личности Лермонтова было сложным и неоднозначным и претерпевало изменения по мере его «постепенного „оцерковления“», отхода от мира и аскетизации жизни, когда музыка и поэзия, прежде «бывшие неотрывной частью его внутреннего „я“, <...> становились всё больше предметом внешнего восприятия, внутренне ему чуждым»¹⁹.

К. И. Зайцев и в мирском, и в монашеском звании последовательно выступал против исследователей-позитивистов и формалистов, господствовавших в советском литературоведении и подвергавших беспощадной критике религиозно-философские истолкования художественного творчества. Он был приверженцем философского литературоведения, полагал, что место писателя в русском духовном мире и сущность его произведений могут быть глубинно поняты только в религиозно-нравственном аспекте. В принципе, по мнению архим. Константина, «русская литература являет собой нечто отличное от остальных национальных литератур — в соответствии с особым местом, которое занимает русский народ среди других наций»²⁰.

В статье, написанной в 1939 году, еще до принятия Кириллом Иосифовичем священства, к 100-летию рождения П. И. Чайковского, и переизданной

¹⁶ Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Там же. 1930. № 2/3. С. 309–310.

¹⁷ Зайцев К. И. Борьба за Пушкина // Харбинское время. Харбин, 1937. 11 февр.

¹⁸ Константин (Зайцев), архим. Чайковский (1839†1893). К 125-летию его рождения // Он же. Чудо русской истории... С. 737.

¹⁹ Там же. С. 756.

²⁰ Константин (Зайцев), архим. Лермонтов (1814†1841). К 150-летию рождения // Он же. Чудо русской истории... С. 698.

им к 125-летию композитора с послесловием, но без каких-либо изменений, ярко выражена *концепция Лермонтова как русского национального поэта*. Вся статья построена на параллелизме Чайковского и Лермонтова, и эта аналогия, проведенная автором между двумя русскими гениями, представляется чрезвычайно интересной. Зайцев подчеркивал, что Чайковский «по созвучию русской душе подлинный **одинок**»²¹ в музыке — даже рядом с Глинкою! <...> Его лучшие произведения дышат потрясающей скорбью, метафизической тоской и вдохновенным отчаянием»²². Из всех русских писателей, по мнению автора, *только* «Лермонтов, раз придя на ум в сопоставлении с Чайковским, властно останавливает наше внимание. <...> Как ни многочисленна братия больших, великих, гениальных русских писателей, — только за ним одним, рядом с Пушкиным, может быть признано право именоваться **русским национальным поэтом**»²³. Кирилл Иосифович указывает на огромную заслугу В. О. Ключевского как первого, кто «наглядно показал в своей статье „Грусть“ то **единственное** место, которое занимает Лермонтов в сонме русских писателей», ибо «в области слова, созвучного русской душе, Лермонтов, <как Чайковский в музыке,> является таким же **одиночкой** даже рядом с Пушкиным», поэтическое первородство которого для автора статьи несомненно. «И все же, — уточняет он, — нет поэта ближе Лермонтова для русского человека. Самый интимный уголок души уготован ему; в детском возрасте с его голоса легче и лучше всего мы научаемся любить Родину и славить Бога и Его прекрасный мир, дольше и прочнее помним мы удивительный, ни с чем не сравнимый лермонтовский голос»²⁴.

В статье о Чайковском Кирилл Иосифович впервые указывает на Лермонтова как на «*сверхлитературное*» явление, эту концепцию он разовьет в 1964 году в итоговой работе о поэте. В его представлении Лермонтов и Чайковский — «больше чем художники, они в своем творчестве не просто творили, служили искусству, а жили подлинной и единственной жизнью своей души. <...> Живая ткань души... трепещет <в их творениях> едва заметным, почти неуловимым, но палящим пламенем **лично пережитого**. Это может быть взлет, это может быть и снижение; это может быть подвиг, это может быть и падение. <...> Их художественное наследие в целом есть — **исповедь** яркой, сильной, правдивой

²¹ Здесь и далее жирный шрифт архим. Константина.

²² *Константин (Зайцев), архим. Чайковский... С. 735–736.*

²³ Там же. С. 736.

²⁴ Там же.

натуры»²⁵. Именно в этом, считает автор, тайна воздействия на людей и Лермонтова, и Чайковского, а характерная черта этих, в принципе универсальных, «художников-исповедников» в том, что «их художественная исповедь окрашена в специфически национальный цвет и отражает специфические национальные особенности русской души»²⁶.

Следует сказать, что впервые после В. О. Ключевского²⁷ концепция Лермонтова как русского национального поэта была развернута в работе С. Н. Дурылина «Россия и Лермонтов» (1916), вероятно, К. И. Зайцев ее читал, поскольку скрытые реминисценции из нее прослеживаются в статье «Чайковский». В представлении Дурылина, Лермонтов «всею глубиной своего поэтического мелоса прорывается к таким истокам духовного существа России, которые правильнее всего назвать религиозными основными началами Руси и ее народа. Великая феноменальная и ноуменальная действительность России становится во многом похожа на великий грустный вымысел, рассказанный Лермонтовым, его поэзия делается глубочайшей феноменологией русской души — и через нее — русской истории»²⁸. По мысли Дурылина, Лермонтов исповедал в своем вдохновении грусть России, он «перегрустил про себя русскую историю, русскую природу, русскую молитву, перегрустив перед тем свою личную судьбу»²⁹, оттого так безошибочно чутко его прикосновение к камертону народной души. Дурылин подчеркивает, что «странная» любовь поэта к России — это «новая любовь», еще неизвестная его современникам, ибо «он принял Россию такой, какая она есть, всю, целиком, до топчущего пьяного мужика, но он принял лицо ее, а не личину»³⁰. Подобная любовь откроется через сто лет молодым русским изгнанникам, угадавших «иные, теперь понятные <им> глубины в „странной любви“ Лермонтова, душевно осязавшего свою страну и свой народ»³¹.

²⁵ Там же. С. 738–741.

²⁶ Там же. С. 741.

²⁷ Справедливости ради заметим, что первое признание Лермонтов как «поэт русский в душе», эволюционирующий к «исконным», «народным» началам, получил в статьях В. С. Межевича, В. Г. Белинского и А. А. Григорьева, но это были хоть и пронизательные, но не развернутые утверждения.

²⁸ Дурылин С. Н. Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // Христианская Мысль. 1916. Кн. 2 (Февраль). С. 141.

²⁹ Дурылин С. Н. Россия и Лермонтов... // Христианская мысль. 1916. Кн. 3 (Март). С. 123.

³⁰ Там же. С. 124.

³¹ Фельзен Ю. Из «Писем о Лермонтове» // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. М.: Русский мир, 1999. С. 53.

Зайцев также указывает на грусть как на основной фон творчества Лермонтова, созвучный народной душе. По его мысли, грусть в нашей национальной стихии, в русском песенном творчестве, в котором «особое место занимает протяжная песнь», является одной из типических черт. Кирилл Иосифович замечает, что характер грустных русских песен определяется динамикой русской души, «той „святой неуспокоенностью“, которая свойственна русскому человеку, <находящему> **покой**, настоящий, подлинный, конечный, только в *свято-сти...*»³². Любое уклонение от родных святынь вызывает у русского человека тоску и томление. Именно это, по мнению Зайцева, и роднит с русским *народным* духом Лермонтова. Он считал, что погружение в народную стихию действовало на Лермонтова всегда спасительно, и, если бы он (как и Чайковский) «не припал к родной земле, он стал бы <вторым> Надсоном»³³. Автор говорит о созвучии лермонтовского поэтического мелоса с мелосом народным как о таинственном общении поэта с душой народа: «Раз запав в душу в детстве, лермонтовский голос уже не покидает ее, звуча музыкой нездешней, вопреки всем шумам мирской суеты; и так ли уж мало в русской среде людей, для которых отзвуки рая исчерпываются тем, что они сберегли в душе от молитвенной поэзии Лермонтова!»³⁴. Статья «Чайковский» отмечена акцентом на «редком даре Лермонтова говорить на языке, доступном детям, не подлаживаясь к детскому пониманию, а говоря своим обычным языком, с полной серьезностью». Это «особенное, педагогическое обаяние» лермонтовской поэзии отмечал еще в 1891 году И. Ф. Анненский³⁵.

В это же время Кирилл Иосифович написал три небольших этюда о Лермонтове: «Памяти Лермонтова» (1939), «К столетию смерти М. Ю. Лермонтова» (1941), «О „Герое нашего времени“» (1941), основные положения которых были синтезированы в итоговой работе «Лермонтов», написанной уже архим. Константином к 150-летию юбилею поэта (1964). Статья предваряется большим вступлением о русской истории в контексте «промыслительного хранения» русским народом Церкви. Автор подчеркивает, что допетровская Россия жила

³² Константин (Зайцев), архим. Чайковский... С. 743.

³³ Там же. С. 744.

³⁴ Там же. С. 737.

³⁵ Анненский И. Ф. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // Он же. Книги отражений. М.: Наука, 1979. (Сер. Лит. Памятники). С. 242.

жизнью «всецело пронизанной Светом *Церковной Истины*, тем закрепила за собою наименование *Святой Руси*»³⁶. Однако после петровских реформ русские люди утратили «*духовное целомудрие*». Признавая, что Петр I «разомкнул жизнь и Церковь», архим. Константин отмечает своеобразную «*двухсоставность* Императорской России». Наравне с новой западной культурой «продолжала жить Россия исконная, церковно-православная. <...> В России-Империи возникала органическая связь старого с новым, воплощавшая Имперскую „русскую культуру“»³⁷. Однако уже не было той духовной мощи и целостности, отличавших сознание человека Московской Руси, но чуткость ко всему значительному, стремление к единству у русского человека остались и породили «нечто своеобразное, только на русской почве способное явиться, <когда> <...> всякий крупный русский культурный деятель XIX века облакался в некую ему лично свойственную целостность, обнимавшую историческое наследие России уже в совокупности с западной культурой»³⁸. Такие «субъективные целостные мировоззрения» представляли для архим. Константина живой интерес в контексте духовного опыта их носителей, учитывая, что каждый человек обнаруживает свой личный «контокоррент с Богом» (И. С. Аксаков). В этом аспекте Лермонтов для него являлся «едва ли не самым загадочно-привлекательным объектом исследования»³⁹.

В итоговой статье автор развивает концепцию Лермонтова как *сверхлитературного феномена*, гениальной личности с «*роковой раздвоенностью*» духа, «оставшейся на перепутье и не сделавшей выбора судьбоносного»⁴⁰. Наряду с этим демон трактуется как «реалистическое изображение с натуры *подлинного зла*», а «демонизм» поэта — как *поэтическая одержимость*. В статье прослеживается внутренняя связь с религиозно-философской критикой Серебряного века, которая отмечена мифологизацией личности поэта, выразившейся в абсолютизации демонического начала в его творчестве и отождествлении Лермонтова с персонажами его произведений. Определенное влияние на рецепцию архим. Константина оказала статья В. С. Соловьева о Лермонтове (1901), где философ рассматривал его как предтечу Ницше, одержимого тремя

³⁶ Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 701.

³⁷ Там же. С. 706.

³⁸ Там же. С. 705.

³⁹ Там же. С. 708.

⁴⁰ Там же. С. 723.

демонами, а поэму «Демон» — как «натянутое и ухищренное оправдание демонизма»⁴¹.

По мысли о. Константина, Лермонтова нельзя рассматривать просто как художника слова, «его надо распознать в его духовной качественности», положительная сторона которой позволяла ему создавать «шедевры не только поэтические, но и жемчужины Божией Правды»⁴², поврежденность же — уводила в «прельстительное» изображение зла, что порождало «высокого калибра двусмысленность»⁴³ его героев, которую невозможно вместить в рамки литературной критики. Архим. Константин считал, что, хотя «„русской душе“ Лермонтова и не была чужда церковность православная, но целостность его сознания определялась неким „мировоззренческим“ разобщением с Церковью и Христом, с сохранением, однако, способности осознать и переживать блаженство Богообщения»⁴⁴.

Концепция о. Константина отмечена рядом противоречий, оттого в его тезисах утверждения постоянно соседствуют с оговорками, он сам указывает, что, анализируя творчество и личность Лермонтова, можно прийти «в состояние растерянности», ибо создается ощущение загадочности и «чуждости». С. Н. Дурылин, всю жизнь занимавшийся лермонтовским творчеством, записал в своем дневнике: «Лермонтов — загадка, никому не дается...», вот почему «большинство писавших о Лермонтове и его судьбе писали, в сущности, о Печорине и его судьбе»⁴⁵.

Для архим. Константина «загадочное своеобразие» Лермонтова состоит в том, что за свою короткую жизнь «бреттера, жуира, прожигавшего свою жизнь, он успел создать шедевры, которые остаются непревзойденными не только в плане литературном, но и высшем»⁴⁶. Личная жизнь поэта, по мнению о. Константина, находилась в драматическом противоречии с религиозным духом его творений, «была *видимостью и маской*, сознательной „багателлизацией“ и жизни, и творчества»⁴⁷. В основе таких оценок лежат использованные автором воспоминания, принадлежащие

⁴¹ Соловьев В. С. Лермонтов // *Он же. Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.

⁴² Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 724.

⁴³ Зайцев К. И. О «Герое нашего времени» // *Фаталист...* С. 114.

⁴⁴ Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 722.

⁴⁵ Цит. по: Телегина С. М. С. Н. Дурылин — исследователь творчества М. Ю. Лермонтова // *Христианское чтение*. 2014. № 5. С. 169–199

⁴⁶ Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 708.

⁴⁷ Там же. С. 712.

лицам, которых «поэт ни на секунду не впускал в свою рабочую комнату» (Дурьлин С. Н.), тем более — в свою душу, что обусловило превалирование акцентов на «мелочи и всяческое озорство» и побудило автора сделать вывод об «удобопреклонности Лермонтова ко злу» и его «своеобразной двойственности». И. А. Ильин видел важнейшее качество критического разбора «в соблюдении верной границы между душой писателя и его художественным актом», предостерегая от «психоаналитического разоблачения». Философ считал, что «о живой душе писателя критику нечего распространять; она ему *не дана и неизвестна*»⁴⁸, ибо *подлинный* душевный портрет всегда остается сокровенной тайной, известной только Богу.

В этой связи несомненный интерес представляет трактовка личности Лермонтова профессором И. М. Андреевым, читавшим одновременно с архим. Константином курс русской словесности в Свято-Троицкой семинарии. Андреев был обладателем четырех докторских степеней: в области философии, медицины, филологии и богословия; его лекции, содержащие элементы всех этих областей знания в синтезе, имеют исключительную ценность. Указывая, что «для большинства окружающих Лермонтов был загадочной натурой, актером в жизни», Иван Михайлович замечает: «Поэт имел „внутреннее“ и „внешнее“ лицо, был эгоцентричен и чрезвычайно эмоционально лабилен, <...> но те, кто знал его „внутреннее“ лицо, тот не мог не любить и не ценить этого... человека, с чуткой душой, глубоким умом, мужественной волей, повышенной моральной самокритикой и, в глубине глубин своего сердца, — трогательно-стыдливо, по-детски религиозного»⁴⁹.

Однако и архим. Константин отмечает тягу Лермонтова к Богу и его особенный дар «молиться в стихах», «являя свое подлинное „я“ только в том творчестве, которое становилось до конца ответственным, превращаясь в беседу с Богом <...> с безукоризненной внутренней честностью»⁵⁰. По мнению о. Константина, «„внутренний человек“ Лермонтова по заданию промыслительному был высокой духовной качественности, поэтому он оказался способен являть теснейшее общение с Богом, <как>

⁴⁸ Ильин И. А. О чтении и критике // *Он же. Одинокий художник: Статьи, речи, лекции.* М.: Искусство, 1993. С. 28

⁴⁹ Андреев И. М., проф. М. Ю. Лермонтов. Основные особенности личности и творчества гениального поэта // *Он же. Русские писатели XIX века.* М.: Русский паломник, 2009. С. 202-205.

⁵⁰ Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 712.

в стихотворении „Ангел“, <где> в нескольких строках поэт раскрыл свое собственное „я“. Все земное для него преходящий тлен. Если он чем живет на земле — то это только отзвуками Неба»⁵¹. Стихотворение «Молитва» («В минуту жизни трудную...») архим. Константин называет «единственным в мировой литературе» и ставит его выше не только пушкинского «Отцы пустынноики...», где «молитва в своем поэтическом оформлении духовно опустошилась», но и державинской оды «Бог», получившей всеобщее признание. «Можно ли вообще *сердечную* теплоту молитвы выразить в художественной поэзии, — пишет о. Константин. — Ведь эта поэзия вся дышит *душевностью*, не будучи... в силах явить *духовную* помазанность человека... И в „Молитве“ Лермонтова самой молитвы нет. Есть только речь о молитве. Но говорится о молитве *так*, что <...> доводится до сознания читателя *духовное* существо молитвы. <...> Веяние *духа* проникает в наше сознание — явление, чуждое самой совершенной поэзии»⁵².

Трагедия Лермонтова, по мысли архим. Константина, была в том, что, «созданный для Неба, с печатью особой избранности», он свою «целостность сознания» обрел в западном романтизме, являющемся «банализацией мира духовного», в результате «высококачественная духовность Лермонтова, его „русскость“, в сочетании с острым восприятием потустороннего, претворила литературную блажь в... уяснение и поэтическое выражение *сущности зла*. Демон стал своего рода <поэтической> одержимостью Лермонтова»⁵³. Здесь прослеживаются реминисценции из В. С. Соловьева, считавшего, что, получив гениальный («сверхчеловеческий») дар, Лермонтов растратил его в угоду «демонам кровожадности, нечистоты и гордыни»⁵⁴.

Оценивая роман «Герой нашего времени» как «предельно-совершенную прозу», о. Константин называет Печорина «воплощенным Духом Зла» и «двойником Лермонтова», поскольку в его представлении «Дух Зла обладал таинственной властью над Лермонтовым, и борьбой с ним являлось всё творчество поэта»⁵⁵. В противоположность такой, в принципе,

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 713.

⁵³ *Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 717.*

⁵⁴ По свидетельству проф. М. А. Петровского, «Соловьев Лермонтова любил исключительно», а свои жесткие оценки в близком кругу объяснял весьма своеобразно тем, что «во сне ему явился Лермонтов с просьбой его хулить, чтобы легче была ему загробная жизнь» (Богомолов Н. А. Два советских Лермонтова // Новый мир. 2014. № 10. С. 178–194).

⁵⁵ *Зайцев К. И. О «Герое нашего времени»... С. 113.*

противоречивой оценке, ряд мыслителей, указывая на недопустимость аналогии между мировоззрением поэта и сущностью Демона, подчеркивали, что в борьбе ангельского и демонского начал в Лермонтове *преобладало первое*⁵⁶, поскольку от демона он или «убегал», или «поражал его, где только находил, также и в собственной душе»⁵⁷, а к ангелу он «шел „высшими звуками“ своей поэзии и жизни»⁵⁸. Лермонтов, несомненно, испытывал интерес к характерам печоринского типа, которые он наблюдал в своем окружении. Как писателя-психолога его привлекали глубины внутреннего мира подобных натур, однако отождествлять Лермонтова и Печорина (что является одной из составляющих мифа о поэте), равно как уподоблять Достоевского Ставрогину — истинному двойнику Печорина, — «но сильнее рефлектирующему и страшному» (Вяч. Иванов), которого сам Федор Михайлович называл «явлением серьезным»⁵⁹. Писатель, находившийся «под властью Духа Зла», по определению не мог создать образ Максима Максимыча, «подлинно-целостного, чистого человека с безукоризненным нравственным здоровьем»⁶⁰. По мысли проф. И. М. Андреева, для лермонтовского вдохновения «характерен катарсис, все его творчество было или самолечением... или углублением врожденных светлых <граней его личности>»⁶¹, что позволяло ему не только создавать «подлинно-целостные» характеры, но и откликаться на них в жизни (А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, В. Ф. Одоевский), в отличие от его индифферентного протагониста, холодный самоанализ которого не приносил его душе очищения.

В представлении архим. Константина, «Лермонтов писал с натуры подлинное зло, <тем самым не только> исказил природу человека, *абсолютное* зло облекая в человеческую плоть <в образе Печорина>, а человеческую душу делая достоянием *павших ангелов* <в „Демоне“>, <но> исказил в этой поэме и Правду Божию, присваивая духу зла свойства

⁵⁶ «Посещали одинокий утес Лермонтова, но не владели им демоны, мгновенно обрацавшиеся в бегство при появлении... архангела Михаила, который неизменно слетал на вершину скалы всякий раз, как поэт призывал Пресвятую Деву. Ибо был он верным рыцарем Марии». (Вяч. Иванов. Лермонтов // Фаталист... С. 159).

⁵⁷ Ильин В. Н. Тайновидение у Пушкина и Лермонтова // *Он же. Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение»*. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 342.

⁵⁸ Дурылин С. Н. Судьба Лермонтова // *Русская мысль*. 1914. № 10 (окт.) С. 6.

⁵⁹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15: Письма 1834–1881. СПб.: Наука, 1996. С. 493.

⁶⁰ Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 714.

⁶¹ Андреев И. М., проф. М. Ю. Лермонтов... С. 190.

человеческие, <a> спасение показывая не актом свободного покаянного обращения к Богу, а актом Божия милосердия»⁶². И хотя, как отмечает о. Константин, Лермонтов «не кощунствовал, не творил хулы на Бога, не стал намеренно-лукавым соблазнителем, ибо показал зло, даже и в победоносной соблазнительности своей, — обреченным, но свободы выбора <в поэме „Демон“> в плане вечности лишил он человека, тем рождая *лживое* упование на Милость Божию — в ущерб Правде»⁶³. Иными словами, Лермонтов впал «в Оригенову ересь», ибо «изображая обличительно зло, искал способы примирения его с Добром», и находился в состоянии прелести «красоты зла», и «греха ума», которые стали следствием его «мечтательности». «К счастью для Лермонтова, — делает оговорку о. Константин, — все это только направленность *мечтательства поэтического*, а не *одержимость* (курсив мой. — С. Т.), проникнутая уверенностью в истинности вещаемого»⁶⁴. И в этой оговорке существенное отличие от концепции В. С. Соловьева.

Первым вдохновителем представления о Лермонтове как о «певце демона» был В. Г. Белинский, а философы и критики в начале XX века превратили это воззрение в филологический канон отечественного лермонтоведения, получивший развитие в советской истории литературы, однако не с религиозным, а социальным акцентом. Против такого толкования еще при жизни Белинского восставал С. П. Шевырев, прямо называя его «чертовщиной, никогда еще не бывавшей в русской критике, <которая> *самую позорную клевету* чернит совесть покойного поэта» (курсив мой. — С. Т.), и призывал «защитить его память от той клеветы и того неуважения, которыми его пятнают», видя в этом «лучшую дань уважения, какую мы можем принести дарованию Лермонтова»⁶⁵. Следует отметить, что в этой же статье, посвященной разбору хрестоматии А. Галахова, Шевырев приводит отрывок из «Демона», указывая только на смысловые несоответствия в стихах, но не делая даже намек на тот соблазн темы, о котором писали мыслители Серебряного века и архим. Константин (Зайцев). Более того, славянофилы, несмотря на неприятие ими образа Печорина, не только высоко оценивали «необыкновенный талант» (К. С. Аксаков) Лермонтова, но никогда не обвиняли

⁶² Константин (Зайцев), архим. Лермонтов... С. 118–119.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 725.

⁶⁵ Шевырев С. П. «Полная русская хрестоматия». Составил А. Галахов // Москвитянин. 1843. Ч. III. № 6. С. 504.

его в «демонизме». Для А. С. Хомякова важнее был не «мнимый демонизм» поэта, в котором он видел не inferнальный соблазн, а только дань западной традиции, а лермонтовское «болезненное сознание своего одиночества и своего бессилия», вызванные оторванностью общества от «жизненного начала Руси». Трактровку же, акцентирующую внимание на «демонизме» Лермонтова, Хомяков называет слепой («безглазой») ⁶⁶. Тем не менее ряд философов Серебряного века не вняли предостережениям славянофилов и, продолжив критическую «чертовщину» атеиста Белинского, создали весьма устойчивый миф. Очевидно, что инерция стереотипного толкования сказалась и на концепции архим. Константина, нередко отмечавшего «изумительное критическое чутье» Белинского именно в контексте лермонтовского «демонизма».

В «Демоне» Лермонтов, по мнению Дурылина, «из литературы, из романтического канона, первый в России прорвался к высочайшей религиозной проблеме о конечных судьбах Зла и Добра» ⁶⁷. Свт. Николай Сербский писал, что «этика, в которой на первой странице не показан дьявол, — это не этика, а *ложная эстетика* души. Ибо тогда она представляет жизнь не как ужаснейшую драму столкновения добра и зла, а как слащавую лирику для посиделок и чаепитий; ибо тогда она не видит мрачной пропасти, над которой висит человечество, как взбудораженный рой пчел, ищущий, на что же спуститься...» ⁶⁸. В творчестве Лермонтов был всегда «неотвлекаемо серьезен» (П. П. Перцов), и, может быть, он более других понимал, что призвание искусства — не в развлечении и забаве, а «в умении показать, что светлая бездна духа сильнее и упоительнее всех уклонов и соблазнов темного инстинкта» ⁶⁹. В предисловии к роману «с терпением

⁶⁶ «...сомнение в самих себе, тайное чувство своей мертвенности давно уже высказывалось в... лучших представителях нашего просвещения. Скорбь о себе и о всем, что их окружало в обществе, они часто оглядывались с утешительной, но неясною надеждою на ту великую Русь, от которой они чувствовали себя оторванными. Я мог бы это показать в последних творениях Пушкина; но ни в ком болезненное сознание своего одиночества и своего бессилия не высказалось так ясно, как в Лермонтове. <...> Эта черта в нем гораздо важнее, чем мнимый демонизм, принятый им... с Запада и восхищавший близорукую публику и безглазую критику» (Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М.: Искусство, 1982. С. 136).

⁶⁷ Дурылин С. Н. Судьба Лермонтова... С. 12.

⁶⁸ Николай Сербский, свт. Мысли о добре и зле. Мн.: Свято-Елисаветинский монастырь, 2005. С. 189.

⁶⁹ Ильин И. А. О чтении и критике // Он же. Одинокий художник: Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 32.

гения» (В. Ф. Асмус) он лаконично объяснил сложную природу образов искусства. В то же время Лермонтов принципиально уклонился от того опасного для писателя пути нравоучительной нотации⁷⁰, который привел Гоголя и Льва Толстого к творческому и духовному кризису, подчеркнув, что первый признак духовного выздоровления — видение своих пороков, излечить от которых может только Бог, ибо «кто сознает болезнь свою, тот близок к врачуванию своему и легко найдет оное»⁷¹.

Между тем знаменательным видится вывод о. Константина, представляющий собой автореминисценцию из его раннего критического этюда «О „Герое нашего времени“» (1941). Подводя духовный итог трагической дуэли Лермонтова, он пишет: «К счастью для Лермонтова, в конце его жизни есть ясный намек на то, что в нем обозначилось самоотдание себя на Суд Божий. <...> В последние минуты жизни, <отказавшись от своего выстрела>, он серьезен и спокоен, и зло уже безвластно над ним. Разительный контраст с состоянием души Пушкина, целившегося в своего противника уже будучи смертельно раненым. Так говорящий под дулом пистолета — не совершает уже убийства. Нет тут и явного самоубийства — смягчен и этот момент. В таком смиренном отказе от выстрела по своему раздраженному противнику можно распознать вольное самоотдание в руки Бога Живого — разящего, но милостивого. <...> Все это дает основание для упования доброго в отношении судьбы Лермонтова в Вечности»⁷². И эта точка зрения архим. Константина, на наш взгляд, ближе всех иных толкований стоит к объяснению тайны спасения Лермонтова, которую он унес с собой в иной мир.

Завершая свои размышления о поэте, о. Константин замечает, что «образ Лермонтова неотразимо привлекательный, даже и в своих заблуждениях, является грозным предостережением, <поскольку> поэт пал жертвой прелести, навязанной его „русской душе“ западным Просвещением. <...> Лермонтова надо суметь преодолеть, чтобы извлечь из него только доброе». Концепция архим. Константина, по-видимому, и явилась для него опытом такого «преодоления».

⁷⁰ «Мерилом <в творчестве> всегда останется следующее правило: не стремись „учить“, навязывать готовые теории и доказывать их; не посягай на проповедь; <...> изображай, а не навязывай, не рассуждай вне образов; <...> пиши... ни для чего иного, как только для художества. <...> И ты будешь верен классической традиции русского искусства» (Ильин И. А. О чтении и критике... С. 38).

⁷¹ Исаак Сирин, *прп.* Слова подвижнические. М.: Правило веры, 1993. С. 9.

⁷² Константин (Зайцев), *архим.* Лермонтов... С. 720.

Источники и литература

1. Анастасий (Грибановский), митр. Беседы с собственным сердцем. (Размышления и заметки). СПб.: Библиополис, 2002. 320 с.
2. Андреев И. М., проф. М. Ю. Лермонтов. Основные особенности личности и творчества гениального поэта // *Он же*. Русские писатели XIX века. М.: Русский паломник, 2009. С. 111–206.
3. Анненский И. Ф. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // *Он же*. Книги отражений. М.: Наука, 1979. (Сер. Лит. Памятники).
4. Бобров Н. Его Высокопреподобие о. Архимандрит Константин // Краткий исторический очерк строительства Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль: типография преподобного Иова Почаевского, 1969. Электронная версия: Сайт «Русский инок» (Джорданвилль). URL: <http://russian-inok.org/books/istoriya.html> (дата обращения: 16.10.2016).
5. Богомолов Н. А. Два советских Лермонтова // *Новый мир*. 2014. № 10. С. 178–194.
6. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15: Письма 1834–1881. СПб.: Наука, 1996.
7. Дурылин С. Н. Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // *Христианская мысль*. Киев, 1916. Кн. 2. (Февраль). С. 137–150; Кн. 3 (Март). С. 114 – 128.
8. Дурылин С. Н. Судьба Лермонтова // *Русская мысль*. 1914. № 10 (окт). С. 1–30.
9. Зайцев К. И. Борьба за Пушкина // *Харбинское время*. Харбин, 1937. 11 февр.
10. Ильин И. А. О чтении и критике // *Он же*. Одинокий художник: Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 18–38.
11. Ильин В. Н. Тайновидение у Пушкина и Лермонтова // *Он же*. Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение» / сост. А. П. Козырев. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 323–348.
12. Исаак Сирин, прп. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 1993.
13. Константин (Зайцев), архим. Чудо русской истории / сост., ред., предисл. С. В. Фомин. М.: НТЦ Форум, 2000. 864 с.
14. Николай Сербский, свт. Мысли о добре и зле. Мн.: Свято-Елисаветинский монастырь, 2005. 256 с.
15. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // *Числа*. Париж, 1930. № 2/3. С. 309–310.
16. Поплавский Б. По поводу... // *Числа*. Париж, 1931. № 4. С. 171.
17. Соловьев В. С. Лермонтов // *Он же*. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.
18. Телегина С. М. С. Н. Дурылин — исследователь творчества М. Ю. Лермонтова // *Христианское чтение*. 2014. № 5. С. 169–199.

19. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов / сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Русский мир, 1999. 286 с.

20. Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / сост., вступ. ст. и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. М.: Искусство, 1982. С. 126–151.

21. Шевырев С. П. «Полная русская хрестоматия». Составил А. Галахов // Москвитянин. 1843. Ч. III. № 6. С. 501–509.

Svetlana Telegina. The Person and Work of Mikhail Lermontov as Perceived by Archimandrite Constantine (Zaitsev).

Archimandrite Constantine (Zaitsev) (1887–1975) was one of the leading theologians, philosophers, and jurists of the Russian diaspora. He was tonsured to monasticism in 1949 at Holy-Trinity Monastery in Jordanville, N. Y., United States. He served as the editor for the journal *Pravoslavnyaya Rus (Orthodox Russia)* and lectured on the history of Russian literature at Holy Trinity Seminary. A considerable amount of the writing of Archimandrite Constantine is devoted to the topic of the history of Russian culture. He was a supporter of the philosophical study of literature, believing that the place of the writer in the spiritual world and the essence of his work can be best understood only in the religious and moral aspects. In this article, the author analyses the specifics of Archimandrite Constantine's understanding of Mikhail Lermontov as the Russian national poet, and the impact of the poet's work beyond the realm of literature. The specific traits of Archimandrite Constantine's critical method are reviewed. The author identifies both a connection between his article and the cultural and philosophical tradition of the Silver Age of Russian Poetry, and the distinction between his evaluation of Lermontov's conception of "demonism" in the work of the early Slavophile philosophers.

Keywords: Russian diaspora, Russian religious philosophy, philosophy of culture, Archimandrite Constantine (Zaitsev), Mikhail Lermontov, religious views of Lermontov, Vladimir Solovyev, Silver Age of Russian Poetry, Sergey Durylin, Pyotr Tchaikovsky, Ivan Andreyev, Stepan Shevryov, Aleksey Khomyakov, Slavophilism, demonism.

Svetlana Mikhailovna Telegina — a scholar of the work of Mikhail Lermontov (svetlanatelegina@yandex.ru).